

УДК 347.12:004.357

DOI: 10.36979/1694-500X-2024-24-11-140-146

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ГОЛОС ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Ч.Н. Сулайманова

Аннотация. Обосновывается необходимость внесения изменений в условиях трансформации экономики и глобальной цифровизации общественных отношений в правовое регулирование не только субъектов, но и объектов. При достаточно быстром прогрессировании общества правовые нормы не успевают урегулировать отношения в различных областях цифрового мира. Выявляется множество пробелов и коллизий в правовом регулировании отношений, связанных с использованием новых технологий. Делается вывод о том, что основное различие ныне существующей правовой системы заключается в статике юридической науки, базирующейся уже на существующих терминах и определениях, при том, что в современном мире существует цифровая реальность. С появлением «обучаемых» нейронных сетей появилась возможность создавать модели на основе индивидуального голоса человека, с помощью которых нейронная сеть может синтезировать голос и интонацию человека. Выявляется пробел в кыргызском законодательстве в вопросах защиты права на индивидуальный голос, а также отсутствие определения четкой принадлежности права на индивидуальный голос в системе объектов гражданских прав. Проводится сравнительный анализ зарубежного законодательства в области защиты права на индивидуальный голос. Делается вывод о необходимости выделения двух базовых подходов к регламентации механизмов защиты индивидуального голоса человека как объекта интеллектуальной собственности в случаях, когда речь идет о воспроизведении записи голоса или фонограммы, и как нематериальное благо, по аналогии с другими нематериальными благами, такими как изображение человека.

Ключевые слова: индивидуальный голос человека; объекты гражданских прав; цифровые технологии; дипфейк; нематериальные блага.

АДАМДЫН ЖЕКЕ ҮНҮ ЖАРАНДЫК УКУКТАРДЫН ОБЪЕКТИСИ КАТАРЫ САНАРИПТИК ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНТЕКСТИНДЕ

Ч.Н. Сулайманова

Аннотация. Экономикалык трансформациянын жана коомдук мамилелерди глобалдык санариптештирүүнүн шартында субъектилерди гана эмес, объектилерди да укуктук жөнгө салууга өзгөртүүлөрдү киргизүү зарылчылыгы негизделген. Коомдун тез прогресси менен укуктук нормалар санариптик дүйнөнүн ар кандай чөйрөлөрүндөгү мамилелерди жөнгө салууга үлгүрбөй келет. Жаңы технологияларды колдонуу менен байланышкан мамилелерди укуктук жөнгө салууда көптөгөн боштуктар жана конфликттер аныкталды. Азыркы укуктук системанын негизги айырмачылыгы азыркы дүйнөдө санариптик реалдуулук бар экендигине карабастан, колдонулуп жаткан терминдерге жана аныктамаларга негизделген юридикалык илимдин статикасында деп тыянак чыгарылат. «Үйрөнүү» нейрон тармактарынын пайда болушу менен адамдын жеке үнүнүн негизинде моделдерди түзүү мүмкүн болду, анын жардамы менен нейрондук тармак адамдын үнүн жана интонациясын синтездей алат. Кыргыз Республикасынын мыйзамдарында жеке шайлоо укугун коргоо маселелеринде ажырым, ошондой эле жарандык укуктардын объектилеринин системасында жеке үндүн так аныктамасынын жоктугу аныкталган. Жеке үндүн укугун коргоо жаатындагы чет өлкөлүк мыйзамдарга салыштырмалуу талдоо жүргүзүлөт. Адамдын жеке үнүн коргоо механизмдерин жөнгө салууга эки негизги мамилени бөлүп көрсөтүү зарыл деген тыянак чыгарылат - интеллектуалдык менчиктин объектиси катары, үн жазууну же фонограмманы кайра чыгаруу жөнүндө сөз болуп жаткан учурларда жана үн катары мүлктүк эмес пайда, адамдын образы сыяктуу башка мүлктүк эмес пайдаларга окшош.

Түйүндүү сөздөр: адамдын жеке үнү; жарандык укук объекттери; санариптик технологиялар; тереңфейк; мүлктүк эмес пайдалар.

INDIVIDUAL HUMAN VOICE AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Ch.N. Sulaimanova

Abstract. The necessity of making changes to the legal regulation of not only subjects, in the context of economic transformation and global digitalization of public relations, but also objects is substantiated. With the rapid progress of society, legal norms do not have time to regulate relations in various areas of the digital world. Many gaps and conflicts are revealed in the legal regulation of relations related to the use of new technologies. Many gaps and conflicts are revealed in the legal regulation of relations related to the use of new technologies. It is concluded that the main difference between the current legal system lies in the statics of legal science, based on existing terms and definitions, despite the fact that in the modern world there is a digital reality. With the advent of "learning" neural networks, it became possible to create models based on a person's individual voice, with the help of which the neural network can synthesize a person's voice and intonation. A gap is identified in Kyrgyz legislation in matters of protecting the right to an individual vote, as well as the lack of a clear definition of the right to an individual vote in the system of objects of civil rights. A comparative analysis of foreign legislation in the field of protecting the right to an individual vote is carried out. It is concluded that it is necessary to distinguish two basic approaches to the regulation of mechanisms for protecting a person's individual voice - as an object of intellectual property, in cases where we are talking about the reproduction of a voice recording or phonogram, and as a nonmaterial values, by analogy with other nonmaterial values, such as the image of a person.

Keywords: individual human voice; objects of civil rights; digital technologies; deepfake; nonmaterial values.

Достижения науки, быстрое развитие цифровых технологий, внедрение их в повседневную жизнь в условиях трансформации экономики, происходящей на современном этапе, приводит к существенному изменению общественных отношений, видоизменению традиционных институтов и появлению новых. Общество стремительно движется в цифровую эпоху, а основной вектор развития экономики направлен на становление и расширение отношений цифровой экономики.

Вслед за развитием экономических отношений, в том числе отношений платформенной экономики, шеринга, постепенно вносятся изменения и в гражданское законодательство. В нынешнем цифровом и развитом мире право играет основную роль, как регулятор всех существующих отношений. При этом, следует отметить, что общество быстро прогрессирует, а правовые нормы не успевают удовлетворять все потребности, которые возникают на сегодняшний день. Такие изъяны в праве определенно утяжеляют сферу субъектов и объектов права. В связи с этим государству необходимо уметь предугадывать и определять будущее развитие различных областей в цифровом мире, применяя при этом новейшие автоматизированные технологии и предупреждать их появление в законодательстве. Если данные новшества не будут предугадываться, то государство не сдвинется в развитии. Сегодня становится ясным, что без

четко слаженного законодательства возникает множество коллизий и пробелов в правовом регулировании.

Информация в разном виде становится разнонаправленным правовым объектом. Натура правоотношений, появляющаяся между привычными (физические лица, юридические лица (организации), государство) субъектами правоотношений в цифровой сфере, особенности и юридические свойства информации приводят к возникновению цифровых правоотношений, которые являются основным предметом цифрового права.

Нужно понимать, что сложившиеся основы права уже довольно-таки давно проживают тяжелые времена и требуют значительных перемен. Традиционные правовые установки не обеспечивают всех прав на защиту гражданина в современном мире новейших цифровых технологий. Уже сейчас существующие правовые нормы не могут в полной мере регулировать и держать контроль. Причиной этому является то, что резервы правовой системы, ее база, способы и методы, аналогий, фикций и презумпций держатся на исходе своих ресурсов.

Право сможет полноценно развиваться только в том случае, если будет разработано и внедрено новое представление о соотношении природы и правового регулирования. Трансформационные правовые явления располагаются как бы между природой и обществом и требуют

дополнительных представлений на системную организацию права.

Основное различие ныне существующей правовой системы заключается в том, что юридическая наука основывается уже на существующих терминах и определениях, при том, что в современном мире существует цифровая реальность.

Казалось бы, все права человека на сегодня защищены законом в полной мере и всесторонне. Однако далеко не всегда реальность соответствует этому видению. «Чёрные дыры» могут возникать даже в самых тривиальных ситуациях, когда законодательство или его применение оказывается недостаточно чувствительным к конкретной ситуации. Эти «чёрные дыры» могут создать угрозу правам человека и потребовать усилий в части совершенствования законодательства и его адекватного применения.

Так, общение голосом – это один из основных инструментов социального взаимодействия в обществе. Каждый человек обладает своим уникальным голосом, который образуется благодаря сочетанию звуковых волн, формируемых голосовым аппаратом и органами дыхания человека. Уникальность голоса обусловлена индивидуальными физиологическими особенностями любого человека и проявляется в его высоте, силе, тембре, регистре, чёткости и эмоциональной окраске извлекаемого звука.

Индивидуальный голос человека или его фонограмма (запись) может служить основой для идентификации личности, поскольку каждый человек имеет своё уникальное звуковое выражение, формируемое его голосовым аппаратом. Кроме того, интонация говорящего может нести дополнительную информацию о личном отношении к разговору: эмоциональное состояние, настроение или уровень внимания к речи собеседника. Таким образом, голос и интонация играют важную роль как в процессе коммуникации между людьми, так и в обеспечении безопасности и защиты прав человека [1, с. 185].

Технология распознавания по голосу, как одна из форм биометрической аутентификации, позволяет идентифицировать личность человека по совокупности уникальных характеристик голоса. Однако поскольку голос человека может

меняться в зависимости от возраста, эмоционального состояния, здоровья, гормонального фона и целого ряда других факторов, она не является абсолютно точной [2]. Некоторые банковские системы предлагают вариант подтверждения совершаемых операций с использованием технологии распознавания речи, привязанной к персональным данным клиентов, в том числе с использованием голоса. В этой же связи возникает множество телефонных мошеннических схем, направленных на сбор биометрических персональных данных, либо обман граждан через имитацию знакомого голоса. Для многих голос помимо инструмента донесения информации до аудитории является ещё и инструментом заработка. Многие профессии требуют использования голоса. Но есть ряд творческих профессий, где гонорар напрямую зависит от качества голоса, умения извлекать его определённым образом и личностью того, кто этот голос воспроизводит. Певцы, дикторы, актёры дубляжа и представители некоторых других профессий зачастую строят свою карьеру вокруг собственного индивидуального голоса. Некоторые представители творческих профессий прямо оценивают свой голос в реальном денежном эквиваленте.

До недавних пор голос человека было практически невозможно подделать. Возможны были варианты пародирования голоса, подбора похожих голосов либо монтажа заранее записанного голоса. Но с появлением «обучаемых» нейронных сетей появилась возможность создавать модели на основе индивидуального голоса человека, с помощью которых нейронная сеть может синтезировать голос и интонацию человека. Для обучения модели требуется относительно небольшое количество записанного голоса человека. Итоговое качество, конечно, зависит от качества исходного материала.

Большое количество сервисов, в том числе и бесплатных, по генерации аудиофайла с узнаваемым голосом из любого введённого текста также доступны широкому кругу лиц. Очевидно, что такая ситуация может негативно сказаться на материальном положении многих представителей профессий, «зарабатывающих на голосе».

Относить голос к категории интеллектуальной собственности тоже было бы не совсем корректно, ведь перечень объектов интеллектуальных прав является закрытым, и практически каждый из объектов интеллектуальной собственности получает охрану при соблюдении определенных условий, тогда как голос человека как проявление личности должен охраняться без каких-либо условий [3, с. 123]. Статья 50 Гражданского кодекса Кыргызской Республики (далее – ГК КР) устанавливает открытый перечень нематериальных благ, присущих человеку: «иные нематериальные блага защищаются законодательством в случаях, когда в соответствии с существом этих нематериальных благ могут быть использованы способы защиты гражданских прав» [4]. Статья 19 ГК КР регламентирует защиту права на использование изображения гражданина как нематериального блага. Некоторые российские авторы предлагают взять за основу вышеуказанную норму и по аналогии дополнить российское гражданское законодательство положениями, регламентирующими защиту нематериального права – голоса человека. Этой же позиции придерживаемся и мы, с целью доработать ГК КР в части четкой регламентации данного нематериального блага. Но современные технологии требуют актуализации закона и в части защиты права на изображение. Ведь по аналогии с голосом современные нейронные сети позволяют генерировать фото и видео с использованием образа конкретного лица. Если соединить все эти технологии вместе, то получается полная виртуальная копия человека (deepfake).

Слово «дипфейк» происходит от двух терминов: *deep learning*, так называемый глубокий метод машинного обучения на основе нейросетей, и *fake* – подделка. В дипфейках алгоритм обработки изображений и видеофайлов позволяет, к примеру, наложить лицо одного человека в ролик на лицо другого.

Раньше технология была доступна разве что специалистам по компьютерным эффектам. Но в последние пять лет дипфейки получили огромную популярность – появились удобные приложения и боты, с помощью которых создать поддельное видео – дело нескольких минут.

Более серьезной проблемой, способной нести угрозу правам человека, является способность дипфейк-технологий с невероятной точностью имитировать интонацию, характерные паузы между словами, акцент, корректировать эмоции при произношении слов (голосовые дипфейки). В цифровую эпоху многие открыто делятся в сети Интернет видео своих близких, в том числе детей, чем и пользуются антисоциальные элементы. Так, известны примеры, когда жертвы, которых мошенники отбирали через социальные сети, получали телефонные звонки с синтезированной речью от мошенников, имитирующих похищение родственников жертв, или с просьбой о срочной помощи, для чего требовалось перевести определенную денежную сумму. Нередко мошенники синтезируют речь для махинаций с банковскими счетами. Дипфейк-технологии часто применяются при изготовлении фальсифицированных фотографий и видеороликов интимного содержания. Развитие цифровых технологий привело к тому, что появилось даже специальное приложение для смартфона FakeApp, позволяющее любому пользователю создать фейковые порнографические изображения любого человека. В результате любой из миллионов людей, выкладывающих свои фото в сети Интернет, может против своей воли стать жертвой дипфейка.

Правовая оценка создания и распространения дипфейков в рамках законодательства весьма затруднительна. Преобладает мнение, что подобные действия не могут быть оценены как нарушение неприкосновенности частной жизни, поскольку не происходит сбора и распространения реальных сведений, а данное деяние может быть квалифицировано как уголовно наказуемое деяние. Однако в настоящее время действующее уголовное законодательство Кыргызской Республики не может в полной мере охватить ответственность за изготовление и распространение deepfake. Так, например, ст. 109 Кодекса о правонарушениях от 28 октября 2021 года [5] «Распространение предметов порнографического характера» предусматривает ответственность за ввоз, изготовление, перевозку или иное перемещение либо рекламирование произведений, изображений или иных

предметов порнографического характера, совершенные целью сбыта, а равно сбыт или другое распространение таких предметов. В то же время Уголовный кодекс Кыргызской республики от 28 октября 2021 года [6] содержит аналогичную норму в ст. 161 «Распространение предметов порнографического характера», с абсолютно идентичной диспозицией, отличающейся только санкцией, разумеется, более строгой. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что правоприменитель поставлен в достаточно затруднительное положение законодателем. В любом случае, при подобном подходе к квалификации деяния не учитываются психологические страдания потерпевшего, честь и достоинство которого пытались опорочить посредством выложенных на всеобщее обозрение фиктивных материалов.

Как отмечается в научной литературе, в случае неправомерного использования в дипфейке информации, относящейся к какой-либо личности, характеризующей ее физиологические и биологические особенности, можно говорить о нарушении режима использования персональных данных [7]. Следует признать, что авторское право защищает произведения, которые создаются с применением дипфейк-технологий. При их создании может быть нарушено авторское право на фотографию или видео, на основании которых создается подобное произведение. Что касается голосовых дипфейков, их создание представляет собой самую большую проблему, потому что на голос человека не распространяется право собственности. В настоящее время использование чужой речи для создания похожего голоса в явном виде не запрещено как отечественным законодательством, так и в странах постсоветского пространства. Имитация голоса, например, телефонными пранкерами, тоже не является нарушением и зависит скорее от содержания шутки, которая может подпасть под уголовную ответственность.

Субъекты права сами определяют границы цифрового права, вступая в виртуальные коммуникации. В этом смысле цифровое право преодолевает формальные рамки традиционных отраслей права и их законодательных кодификаций. Цифровое право исходно не нуждается

в классической правотворческой систематизации.

Общественные отношения, связанные с цифровой технологией, различны так же, как и наши отношения в обществе. До тех пор, пока эти технологии будут использоваться людьми правильным образом, мы не видим важности права в этой области. Но в тот момент, когда права и свободы человека нарушаются через цифровые технологии, появляется необходимость защиты этих прав и свобод.

Что касается перспектив правового регулирования и внедрения новых определений в объекты гражданских прав, то здесь можно сказать, что развитие нормативно-правовой базы по предотвращению негативного влияния (смягчения рисков) цифровизации затруднено из-за высокой скорости социально-экономических изменений, вызванных использованием новых технологий, появлением новых видов экономической деятельности и бизнес-моделей.

Так, в США в 2019 году был принят законопроект о защите граждан от ложных проявлений своей личности, который регулирует использование deepfake-технологий. Аналогичный закон в Калифорнии предусматривает уголовную ответственность за использование несогласованных визуальных и аудиоклипов в рекламных акциях и политических кампаниях. Проблема deepfake также привела к появлению новой области исследований – разработке цифровых детекторов подделок [8]. США имеет ряд соглашений с иными государствами, например, соглашение по интеллектуальной собственности между Правительством США и Правительством Венгерской Республики, где регламентируется имущественный интерес лица по отношению к его воспроизводимому голосу, а также к имитации голоса другими лицами [9].

В других зарубежных источниках индивидуальный голос человека можно также обнаружить в одном ряду с изображением, именем и другими персональными нематериальными благами. Например, ч. 18 ст. 66 Конституции Эквадора защищает право на честь и добрую репутацию, дополняя тем, что закон должен защищать образ и право на голос каждого человека [10]. В данном случае голос идет в одном

ряду с образом и репутацией, то есть рассматривается как нематериальное благо. Аналогично, ч. 7 ст. 2 Конституции Перу указывает на то, что каждый имеет право на свою честь и репутацию, неприкосновенность частной и семейной жизни, так же, как и на свой голос и образ [11]. Несколько иную позицию занимает Израиль – в п. 6 ст. 2 ч. 1 Закона Израиля о защите частной жизни № 5741-1981 уточняется цель неправомерного использования образа и голоса – извлечение прибыли: «Нарушение неприкосновенности частной жизни представляет собой использование имени, наименования, изображения или голоса человека с целью получения прибыли» [12]. Таким образом, можно выделить два базовых подхода к регламентации механизмов защиты индивидуального голоса человека – как объект интеллектуальной собственности, в случаях, когда речь идёт о воспроизведении записи голоса или фонограммы, и как нематериальное благо, по аналогии с другими нематериальными благами, такими, как изображение человека. И с точки зрения цели использования голоса – запрет на извлечение прибыли или запрет на использование голоса вне зависимости от того, планируется ли извлечение прибыли. Помимо проблем с определением сущности потенциальных механизмов защиты права на индивидуальный голос, существует ещё и проблема трансграничности возникающих правоотношений. Современные deepfake-материалы распространяются по всему миру с использованием сети Интернет, и не всегда представляется возможным установление автора синтеза. Зачастую происходит осложнение иностранным элементом, что приводит к необходимости применения методов международного частного права. В случае, когда речь идёт о фонограмме, песне или другом объекте интеллектуальной собственности, проблем с защитой прав значительно меньше, нежели в случае, когда речь идёт о генерации или синтезе голоса, изображения или видео. Некоторые сервисы уже сегодня предлагают переозвучку видеороликов голосами изначальных спикеров, но на другом языке. Технически это возможно, но правовой регламентации в этой области пока нет. Прибегать к механизму защиты авторских прав имеет смысл, лишь когда

речь идёт о каком-то готовом продукте творчества, коим сложно назвать голос человека как таковой. С другой стороны, индустрия синтеза голоса возникла и получила бурное развитие в связи со своей востребованностью, а значит, законодателю следует предусмотреть и правовые механизмы, позволяющие технологиям развиваться дальше. Возможно, стоит регламентировать рамки применения технологий типа deepfake, но полностью их ограничивать тоже было бы неразумно.

По нашему мнению, нематериальные блага, особенно смежные с биометрическими персональными данными, в условиях современного цифрового прогресса требуют отдельной регламентации, основанной, в том числе, и на современных технических возможностях, в том числе защита от создания нейросетевых моделей на основе биометрических данных индивида. Сегодня представителям профессий, зарабатывающим на голосе, стоит обращать внимание на договоры, которые они заключают в рамках записи своего голоса.

Помимо этого, цифровизация требует от законодательных органов более высокой скорости принятия решений и глубинного понимания трендов в социально-экономическом и технологическом развитии.

Значимые эффекты от цифровизации достигаются при наличии больших экономических пространств с едиными правилами, поэтому важны меры по выстраиванию общих подходов к регулированию. А для снижения рисков негативного воздействия цифровизации требуется не только совершенствование нормативно-правовой базы, но эффективная координация деятельности государственных ведомств, интеграция представителей научных организаций, компаний и гражданского общества в процесс разработки мер по поддержке использования цифровых технологий.

Следует также отметить, что существует резкая нехватка специалистов с цифровыми компетенциями. Образовательные системы во многих странах нуждаются в реформах, направленных на формирование нового класса экспертов в области цифровых технологий.

Поступила: 11.09.24; рецензирована: 25.09.24;
принята: 27.09.24.

Литература

1. *Бахметьев П.В.* Охрана индивидуального голоса человека: отечественный и зарубежный опыт / П.В. Бахметьев. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-individualnogo-golosa-cheloveka-otechestvennyy-i-zarubezhnyy-opyt/viewer> (дата обращения: 10.09.2024).
2. *Брагина Е.К.* Современные методы биометрической аутентификации: обзор, анализ и определение перспектив развития / Е.К. Брагина, С.С. Соколов // Вестник АГТУ. 2016. № 61.
3. *Матвеев А.Г.* Гражданско-правовая охрана голоса человека при его синтезе и последующем использовании / А.Г. Матвеев, Е.Ю. Мартынова // *Ex jure*. 2023. № 3.
4. Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 8 мая 1996 года. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/> (дата обращения: 15.09.2024).
5. Кодекс о правонарушениях Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/> (дата обращения: 15.09.2024).
6. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/> (дата обращения: 15.09.2024).
7. *Сулайманова Ч.Н.* Отдельные вопросы защиты персональных данных в деятельности индивидуальных предпринимателей / Ч.Н. Сулайманова, А.У. Жумалиев // Вестник КPCY. 2023. Т. 23. № 11.
8. Who Should Fear and How to Protect Against Voice DeepFake. URL: <https://deepfakechallenge.com/gb/2022/01/05/13002/> (дата обращения: 10.09.2024).
9. Agreement on intellectual property between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Hungary 1993 (Authentic text). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/243822> (дата обращения: 10.09.2024).
10. Constitution of the republic of Ecuador, published in the Official Register October 20, 2008. URL: <https://pdba.georgetown.edu/Constitutions/Ecuador/english08.html> (дата обращения: 10.09.2024).
11. Political Constitution of Peru. Enacted on the 29th of December, 1993 Published by the Congress of the Republic September – 2009. URL: https://www.congreso.gob.pe/Docs/files/CONSTITUTION_27_11_2012_ENG.pdf(дата обращения: 10.09.2024).
12. Israel. Protection of Privacy Law, 5741–1981. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/347462> (дата обращения: 10.09.2024).